

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист.

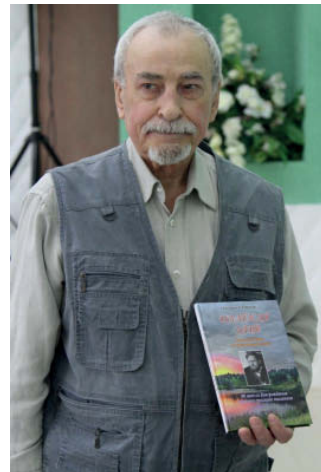
Родился 21 марта 1950 года на станции Пожитово Высоковского района Калининской области – ныне Торжокский район Тверской области в семье железнодорожников. Окончил с серебряной медалью среднюю школу № 35 г. Торжка. Трудовой путь начал литературным сотрудником в редакции объединённой районной газеты «Маяк коммунизма» г. Торжка Калининской (ныне Тверской) области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета.

Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд» – на Южном Урале (Оренбург), в Вологодской, Новгородской, Архангельской областях, республиках Карелия и Коми.

Первую книгу – «Я здесь живу...» (очерки о людях деревни) – выпустил в 1982 году в издательстве «Московский рабочий». В настоящее время издано 35 книг поэзии, прозы, публицистики.

Публиковался в журналах: «Берега», «Север», «Москва», «ЛАД вологодский», «День и ночь», «ДОН новый», «Врата Сибири», «Пятницкий бульвар» и других. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов, в том числе: лауреат журнала «Берега» за 2022 год (номинация проза), лауреат Международной Литературной премии Главы Республики Карелия «ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА» им. Г. Р. Державина за 2022 год (номинация литературоведение), лауреат ФИЛОФЕЕВСКОЙ литературной премии за 2022 год за книгу прозы «Яблоки небесные» (Архиерейская Грамота Митрополита Тобольского и Тюменского Дмитрия, медаль Святителя Филофея).

С 1987 года живёт и работает в Вологде.

ПЕРВЫЙ ШАГ НА ГОЛГОФУ

Повесть

...суд над Христом произвёл большее впечатление в мире, чем все и всякие суды вместе.

Протоиерей Иоанн Восторгов

Час первый

В окна потянуло вечерней прохладой.

Южное солнце падало за горизонт. Тихие лучи, медленно угасая, скользили по нагретым за день скромным глинобитным домам, причудливым дворцам и невозмутимым синагогам шумного Иерусалима.

Шёл восьмой час пополудни, но темнота, опускаясь с холмов, уже накрыла город.

Стуча сандалиями, обутыми на босые ноги, по жёлтым камням узкой дороги быстро шагал молодой еврей Мисаил. Порой он припускал и трусцой; всякий видел, что он спешил. Чёрный хитон и синяя повязка на голове выдавали в торопливом парне официального служку. Мисаил состоял посыльным в Синедрионе.

Свернув в переулочек, посыльный остановил шаг у третьего дома по левой стороне. Двухэтажное каменное строение с большими окнами, балконами. У входа – терраса, увитая густым тёмно-зелёным виноградником. Она казалась безжизненной.

Мисаил нетерпеливо дёрнул за тяжёлое кольцо на двери забора. На звон вышел слуга.

– Проводи к хозяину, – попросил посыльный, – я из Синедриона!

Слуга распахнул дверь и дал знак следовать за ним.

В прохладной глубине террасы на ковре сидел, поджав ноги, хозяин, торговец лет сорока на вид. Он держал лавки и караваны в Иерусалиме, Галилее и Вифании. За благосклонное отношение к партии фарисеев его некоторое время назад избрали судьёй.

– Ваша честь! – Мисаил сделал поклон. – Вы обязаны срочно, с минуты на минуту, прибыть в судебное заседание.

– Что я слышу! – удивленно протянул Никодим. – Не помню случая, когда бы евреи собирали суд ночью. Уж ночь на дворе – посмотри! Не хлебнул ли ты вина через край?

– Не извольте иронизировать, ваша честь, – возразил посыльный. – Я передаю личное повеление первосвященника Каифы.

– Каифы? – изумился Никодим и втянул голову в плечи. – Куда прибыть?

– К дому Анания, желательно быстрее...

– Сейчас иду!

Когда посыльный ушёл, Никодим сильно разволновался. Повеление кого-либо другого он бы и рискнул не исполнить – такой имел характер. Но послушаться первосвященника, восседавшего в Иерусалиме, означало всё равно что подписать себе смертный приговор.

«Что за срочность такая?» – неотвязно думал Никодим.

Ладони у него от волнения вспотели, и пальцы плохо слушались. Никодим кое-как оделся в просторную мантию и поспешил с террасы.

Проходя мимо величественного здания Синедриона, судья отыскивал глазами кого-нибудь из знакомых. Ему захотелось с кем-нибудь пообщаться, обсудить срочный вечерний вызов. Но площадь перед Синедрионом была зловеще пустынной.

Только факелы, горящие в вечерний час, освещали вход в здание, где на мраморной плите большими буквами сияло высеченное древнее изречение: «СИНЕДРИОН, РАЗ В СЕМЬ ЛЕТ ОСУЖДАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕКА НА СМЕРТЬ, НЕ ЕСТЬ СУДИЛИЩЕ, А ЕСТЬ БОЙНЯ!»

Отвращение к смертной казни разделял и Никодим. «Ну, уж я-то, – сказал он сам себе, прочитав в очередной раз надпись на плите, – никогда не отдам своё мнение за смертный приговор обвиняемому!»

Дом отставного первосвященника Анания, близкого родственника правящего первосвященника Каифы – его тестя, являл дворец из нескольких просторных палат, соединённых между собою. В разных местах дворец освещали факелы. Перед входом, прямо на улице, гудела разношёрстная толпа. Никодим с удивлением оглядывал это вечернее сборище.

Здесь были стражи из охраны еврейских синагог, римские воины, служившие в Иерусалиме, несколько важных раввинов, представители богатых и знатных граждан города, а также простые жители и даже бродяги, которые, не стесняясь, потягивали вино из глиняных фляг...

Многие держали в руках длинные крепкие колья, или дротики с наконечниками, или мечи и кинжалы. Казалось, только брось клич, и толпа ринется вперёд, кромсая всё на пути.

Никодим подпрыгнул от радости, когда увидел у забора, в отдалении от толпы, своего знакомого – Иосифа, тоже новоиспечённого члена Синедриона.

Подошёл к нему.

– Что происходит? – обратился он к Иосифу. – Зачем вызвали?

– Хотят наложить руки на проповедника Иисуса из Назарета, – пояснил Иосиф. – Он находится где-то в пригороде. Вот и пожелали использовать момент, пойти толпой...

– На Иисуса? За что? – Никодим был поражён.

– Послушай, Никодим! – досадливо поморщился Иосиф. – Спроси о чём-нибудь другом, о чём-нибудь простом...

Живо вспомнил Никодим, как около года назад познакомился он с Иисусом возле синагоги, когда Тот говорил поучение народу. Никодима потрясла речь Иисуса. Ничего подобного он ни от кого не слышал, хотя объездил немало земель и был в странах за пределами Иудеи.

Покорённый обаянием проповедника, желая завести с ним дружбу, Никодим уговорил Иисуса прийти в дом и назвал адрес. Чтобы уберечь Никодима от нежелательных последствий со стороны фарисеев, Иисус тайно, в сопровождении двух учеников, вскоре пришёл к Никодиму.

Встреча будто обожгла душу торговца. В ушах его всё звучали слова, обронённые Иисусом: «Друг мой! Евреи ожидали Мессию, чтобы его силой возобладать над всем миром и положить все народы

к ногам своим, – взгляд Иисуса излучал сильный свет, Никодим зажмурился от боли. – Этого никогда до скончания века не будет! В их душах и сердцах вместо Бога – чрево и золото! Я – Мессия, и Отец Мой Небесный так сказал. Я пришёл спасти заблудших овец стада Израилева, и всякому достойному будет наградой Мое Царствие Небесное, которое не от мира сего...»

– Ни за что я не пойду на Иисуса! – возмутился Никодим. – Даже если бы мне заплатили много тысяч сребреников...

– И я не пойду с толпой, – поддержал Иосиф.

Молодых судей окликнули и позвали в дом Анания.

...Далеко в глубине Гефсиманского сада, прикрытый пышными смоковницами и пальмами, стоял особняк молодого учёного-аристократа Марка Озалия. В тот час юноша был в имении. Он возлежал на террасе и при свете ночника читал изречения из древнего еврейского судебника под названием «Мишна».

Марк помнил, что в другой части сада отдыхал Иисус с учениками. Аристократ ожидал, что его друзья придут заночевать. И коротал время за книгой, надеясь побеседовать с Христом о Божественных предметах.

«Без предварительного обвинения свидетелями, – гласил судебник, в который вчитывался молодой учёный, – нельзя начинать суд, в таком случае суд будет незаконным. Суд нельзя также начинать в отсутствие свидетелей. Суд обязан оградить личную безопасность подсудимого от всякого рода насилий и оскорблений...»

Вдруг шум множества шагов и людской говор отвлекли Марка от книги. Он накинул простынь и вышел в сад. Со стороны Иерусалима приближалась толпа, в руках идущих горели факелы. Марк, подгоняемый любопытством и чувством опасности за друзей, пошёл навстречу толпе.

Скрываемый темнотой, он видел происходящее со стороны.

Впереди, на небольшом расстоянии от толпы, шёл молодой Иуда. Он был в белом хитоне, глаза его лихорадочно горели. Иуда то и дело оступался на ровной дороге. Несмотря на вечернюю прохладу, его бросало в жар, и он тыльной стороной ладони, в которой держал факел, отирал пот со лба.

Только этот Иуда точно знал, зачем и куда идёт. Толпу же, похоже, не волновало местонахождение, она готова была бродить по окрестностям всю ночь.

Неожиданно Иуда в белом хитоне сделал знак рукой тем, кто шёл за ним. Они остановились. Иуда проследовал дальше, будто явился сюда один.

Навстречу ему из темноты вышел Христос. «Друг мой, зачем ты так поздно здесь?» – спросил Он.

Иуда смутился, не зная, что ответить.

– Учитель... – начал было Иуда.

Но голос его осёкся, пропал.

Он судорожно слотнул слюну, напрягся и уже громко поприветствовал:

– Учитель! Здравствуй!

Затем Иуда подошёл и поцеловал Христа.

– Иуда, лобзанием ли предаёшь Меня? – спросил Христос.

Ученик не успел ответить Учителю, толпа быстро окружила Его. На лицах у отдельных ночных гостей застыло выражение ненависти и злобы. Громко, чтобы все слышали, Христос спросил:

– Кого вы ищите?

– Иисуса Назарянина! – крикнул один из стражников.

– Это Я! – громко ответил Христос.

Страх обуял некоторых из толпы, они упали на землю. Но, ободрённые фарисеями, поднялись. Римские воины, выполняя приказ начальства, подошли к Христу и возложили на Него руки, что означало – теперь Он арестован.

– Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня, – сказал Он. – Каждый день с вами сидел Я, уча в храме, вы не брали Меня!

Легионеры и люди из толпы ничего не ответили на замечания Христа.

Из темноты подошли ученики Христа и, видя то, как поступают с Учителем, возмутились. Пётр ринулся на защиту, выхватил короткий меч и ударил одного из стражников по имени Малх.

– Ой, ой! – закричал он, кровь брызнула из рассечённого уха. За оружие схватились и другие ученики.

– Вложи меч в ножны, – приказал Иисус Петру. – Все, поднявшие меч, мечом погибнут!

Тут же Христос подошёл в Малху, коснулся пальцами раны, мгновенно кровь остановилась, след удара мечом исчез.

Чудное воздействие Богочеловека вызвало страх кое у кого в толпе. Но римские легионеры и еврейские фарисеи, почувствовав, что сопротивления со стороны учеников не будет, впали в привычную наглость.

Они обращались с Христом так, будто Он уже давно был официально осуждён: заломили руки за спину, связали, попутно не скупясь на бранные слова.

И повели Иисуса в Иерусалим.

Потрясённый всем увиденным, Марк Озалий подскочил к главному стражнику. Показывая на Иисуса, Марк зачастил:

– Вы не имеете права арестовывать Его. Я – законник, я изучаю «Мишну». Закон требует: без письменного запроса свидетелей вы так не можете поступать с любым человеком, как поступили теперь с Иисусом. Я требую – отпустите арестованного немедленно!

Главный стражник выпучил глаза. От злости у него перехватило дыхание.

– Кто такой? – заорал он. – Эй, арестовать этого негодяя!

Двое воинов подбежали к Марку, схватили с двух сторон. С неудержимостью молодой силы Озалий рванулся от стражников.

В руках у них осталась простынь.

Час второй

Толпа вела Арестованного по дороге. Но во дворец Анания уже добежал посыльный с радостной для хозяина вестью – проповедник взят.

Вспышка глубокого удовлетворения озарила лоб седого саддукея. Потерев ладонь о ладонь, он предвкушал полное унижение Того, кто, по мнению Анания, ставил себя выше священнослужителей и всего Синедриона.

Перемену в настроении Анания заметили присутствующие в его доме. И один из них, молодой судья Никодим, осмелился спросить старейшину:

– Учитель, разве были какие-то основания арестовывать Христа?

Старый саддукей вздрогнул от наглости молодого судьи, нахмурил брови. Пристально посмотрел на него. Нагнул голову и медленно, чтобы дошло до всех, произнёс:

– А вы не слышали о Его самоуправстве? Кто дал Ему право изгонять торжников из храма? Он это сделал! Храмом распоряжается только первосвященник Каифа. И никто другой! Или вам не ведомо, что Он ходил из края в край и проповедовал какое-то «небесное царствие»? У нас царство одно – Иудея! И мы хотим, чтобы во всём мире знали, что Иудея неделимая... Или вы не ведаете, что Он объявил себя Мессиею без ведома Синедриона? – называл Ананий мотивы ареста Христа. – Это уже прямое нарушение Римского закона, это уже повод говорить об арестованном Христе как об уголовном преступнике...

Краска залила щёки Никодима, будто слова Анания прозвучали в адрес купца. Забыв о рассудительности и осторожности, кои подобало соблюдать еврею в общении с начальством, молодой судья бросил запальчиво бывшему первосвященнику:

– Учитель, как можно арестовывать человека за его убеждения? Всё, что мы услышали сейчас от вас, касается именно убеждений Христа! А Иудея, о которой вы так печётесь, испокон веков славилась тем, что у нас за убеждения никого не судили. Всякий человек имел право на собственные убеждения. Свобода приравнивалась к самой жизни. Свобода и жизнь ценились одинаково высоко! Кто, зная обо всех этих традициях, посмел отдать приказание связать руки Христу?

Багровая краска пролегла по впалым щекам Анания.

– Здесь не место прениям! – резко оборвал он Никодима. – И вообще, вы должны прибыть на заседание к Каифе. Извольте немедленно туда проследовать!

После сей тирады бывшего первосвященника Никодим, Иосиф и ещё несколько судей вышли из дворца и побрели по тёмным улицам Иерусалима, где освещались только дома важных особ. Путь их лежал во дворец действующего первосвященника.

Когда «супротивники» ушли, Ананий приказал слугам, приставленным к дверям, никого не впускать во дворец. Выведенный из равновесия рассуждениями купца Никодима, старый саддукей вскоре успокоился, представляя в воображении приближающуюся минуту личного торжества над Христом. Предвкушение ожидаемой минуты наполняло сердце заостренного саддукея необыкновенным, ни с чем не сравнимым трепетом и сладостью.

Теперь, думал Ананий, он сможет отплатить Христу за то, что посрамил перед всеми иудеями посланное к Нему всенародное посольство от Синедриона.

Дело выглядело так. Саддукеи дали задание ослабить Христа лучшему оратору из фарисеев Тертилу, хотя сами и враждовали с фарисеями. Но общее дело – гонения на Христа – сплотило представителей двух еврейских партий. Тертил согласился исполнить поручение. От имени Синедриона он должен был испытать Христа как пророка. И затем, после испытания, вынести суждение о достоинствах Его, если таковые, по мнению фарисеев, отыщутся. А если не отыщутся, тогда...

Тертил самолично решил сразить Иисуса сразу и наповал. Он задал Ему вопрос в лоб:

– Кто Тебе дал власть делать то, что Ты делаешь?

– И Я вас спрошу, – не замедлил Христос, – и если ответите Мне, то Я скажу, какою властью всё творю. Итак, что вы думаете: крещение Иоанново было с небес или от человеков?

Ехидная улыбка слетела с губ Тертила. Он отошёл к посольству, долго совещался со старейшинами. Архиереи и старцы, встав в кружок, рассуждали: «Если ответим, что с небес, то скажет, почему Ему не верите? А если ответим, что от человеков, то почему народ почитает Его за святого? И так и эдак для нас невыгодно!

Тогда одного из старцев осенило: – Лучше всего в нашем положении, – изрёк он, – прикрыться незнанием. Это будет достойным ответом гордецу из Назарета!

Корыстный интерес связал язык лучшим людям Иерусалима. Они боялись гонений со стороны Синедриона и не могли перед Христом засвидетельствовать Истину.

Наконец, оратор Тертил приблизился к Иисусу:

– Мы не знаем, откуда крещение Иоанново! – почти прокричал Тертил.

– И Я вам не скажу, какою властью всё творю! – заключил Христос.

Так посольству от Синедриона на виду у собравшегося народа не удалось одержать верх над Иисусом.

Ныне, полагал Ананий, ситуация изменилась.

Отставному первосвященнику доложили: Христос во дворце. Хозяин дал знак, чтобы Его ввели в зал.

За одиннадцать лет на посту первосвященника Ананий хорошо усвоил иудейские и римские законы. Он прекрасно понимал, что в данном случае не имел права единолично допрашивать Христа. Тем более выяснять столь сложный вопрос: является ли Христос Мессией?

Внутренняя самость заглушала разум в старом саддукее. В его сознании свербила мысль, будто Христос создал «Общество тайных последователей». И вот он, Ананий, первым раскроет сию тайну и немедленно доложит властям. И возможно, получит какую-нибудь высокую награду, почести в придачу к ней.

Когда Пленника ввели, Ананий задал Ему сразу несколько вопросов: «Чему Ты учишь? Откуда Твоё учение? Сколько у Тебя учеников? Где они? Вообще, какая цель ваших действий?»

Христос понял, куда Ананий клонил. Помолчал, Он ответил:

– Я тайно ничего не говорил миру. Я всегда учил на собраниях и в храмах открыто. Что Меня спрашиваешь? Спроси тех, кто слышал, они скажут, о чём Я говорил...

Ананий побагровел. Едва сдержался, расценив ответ искусным уклонением от сути вопросов. Да, «тайну», похоже, ему, Ананию, не выведать у Него! Хозяин думал, что Пленник упадёт к его ногам, станет просить о прощении, пощаде. Так же мыслил и раболепный слуга заштатного первосвященника, он посчитал ответ Христа оскорбительным для хозяина. Желая выказать усердие бывшему владыке, слуга закричал: – Так-то Ты отвечаешь первосвященнику! – Замахнулся и ударил Христа по щеке.

Это было уже самоуправство. Законы, утверждённые Синедрионом, не допускали какого-либо оскорбления обвиняемого, а тем более грубого насилия, как в те минуты во дворце Анания. Рукоприкладство нарушало личную свободу гражданина римской провинции Иудеи – Иисуса Христа из Назарета.

К тому же суд над Ним ещё не начался. В Синедрион не поступало ни одного письменного документа, на основании которого можно было бы вести допрос или начать такой суд!

– Если Я сказал плохо, покажи, что плохо! – повернулся Христос к ударившему Его слуге. – А если хорошо, то что ты бьёшь Меня?

Великий законник Иудеи – отставной первосвященник Ананий – сделал вид, будто не заметил наглого поступка слуги, поступка, подлежащего осуждению Синедрионом. Потому что внутри хитрый саддукей кипел от гнева: ему не удалось вывести пленника из равновесия, поколебать веру, узнать тайну Его веры.

Поспешно приказал он отослать Христа во дворец к действующему первосвященнику Каифе. Отослать в том самом виде, в каком привели, – со связанными руками.

Час третий

Молодые судьи из Синедриона молча шли по тёмной прохладной улице Иерусалима.

Первым заговорил Иосиф.

– Не советую тебе, – обратился к Никодиму, – говорить у Каифы, как ты говорил у Анания. Первосвященник не простит!

– Что он мне? – вспылил Никодим. – Он что, кормит меня хлебом? Я сам кусок добываю. У Анания я не сказал главного. Всё, что затевается против Иисуса Христа, полнейшее беззаконие. У меня ощущение, что и тебя и меня затягивают в грязную лужу, в зловоние, от чего вовек не отмыться...

– Может, ты прав, – продолжал Иосиф. – Я тебе по секрету скажу. Вчера на тайном собрании саддукеев Каифа определил: «Лучше один Христос умрёт, чем погибнет весь иудейский народ». Все члены партии поддержали Каифу! Чуешь, откуда дует ветер?

Никодим кивнул.

– Я догадывался, что не обошлось без заговора. Не возьму в толк, чем Иисус не угодил Каифе? – рассуждал купец. – Пойми, Иосиф, теперь от судей всё зависит! Не захочет Синедрион плясать под дудку Каифы, и он ничего не сделает Христу, как миленький отпустит на свободу! Вдумайся: нас собирают ночью! Это попирает все законы! Такого в Иерусалиме никогда не было!

Иосиф не ответил.

Власть судить кого-либо в Иудее уголовным судом, согласно предписаниям Римской империи, принадлежала исключительно Синедриону. Это религиозно-государственное учреждение состояло из 71 лица и разделялось на три комитета («малые» Синедрионы), в каждом из них было по двадцать три члена.

Уголовное дело против религии и государства, которое заведомо приписывали Христу, мог разбирать только Великий Синедрион, то есть в полном составе трёх комитетов.

По регламенту Синедриона такое заседание открывали обязательно днём, ночное время полностью исключалось. Причём и окончить заседания по уголовному делу необходимо было в дневное время – так опять же предписывал регламент.

Всю «азбуку» иудейского правосудия Иосиф знал не хуже Никодима. В душе он был согласен с доводами друга. Но что двое судей против сборища отцов родов, старейшин, раввинов и прочих знатностей Иерусалима? Против верховного первосвященника? Они все вместе – стена, неодолимая никаким способом.

Иосиф знал, как открывались заседания Синедриона. Специальный книжник выходил в главный полукруг и громко произносил: «СВОБОДА И ГЛАСНОСТЬ – главные принципы Синедриона!» – «Неужели и теперь, в случае с Христом, будет кричать о том же?» – подумал Иосиф.

Глубокая полночь приняла в объятия Иерусалим. Эта полночь отличалась от тысяч других за всё существование города. Знатные люди и не помышляли о сне. Они были озабочены возникшей судебной суетой. Каифа беспрерывно рассылал гонцов, пытаясь собрать Синедрион полностью. Это оказалось невозможным.

Кто-то из членов Синедриона так и не приехал в город на праздник Пасхи. А некоторые из тех, кто приехал, а также и кое-кто из живших в Иерусалиме вообще не открывали двери гонцам из Синедриона. Они справедливо полагали, что первосвященник не имел права беспокоить судью ночью.

Каифа в душе сознавал: и одной его личной ненависти к Христу достаточно, чтобы предать Арестованного смерти. Достаточно указания тайным прислужникам, способным на любое преступление, и Христа лишат жизни в считанные минуты. Но первосвященник боялся волнений простых людей, ведь они не скрывали симпатий к Иисусу. Следовательно, делу надо было придать вид законности, пройти все внешние формальности «справедливого суда».

Соблюдение видимости закона, а не соблюдение самого закона уже вошло в кровь Каифы. И он не мог изменить привычке. Видимость закона нужна, чтобы потом никто не ткнул осуждающим пальцем в первосвященника. И он спешил собрать хотя бы две трети членов Синедриона или около того количества.

Его ничуть не смущало и то обстоятельство, что закон запрещал проводить заседания Синедриона в частном доме, пусть это даже и дом первосвященника Иудеи. Закон определял место заседаний в здании Синедриона, на главной площади Иерусалима – только там!

Час четвёртый

Стражники вывели Христа из дворца Анания во двор, ночная прохлада освежила лицо Господа. Он увидел горящие костры, греющихся возле них людей и сердцем прозрел то, что здесь произошло с Его учеником Петром. Тот не раз говорил женщине-придвернице, впустившей Петра во двор, что не знал Иисуса и никогда Его не видел. Страх на какой-то миг затмил разум Петра. И это было для Христа вторым огорчением после удара раба по лицу на допросе у Анания.

Христос видел Петра, протянувшего озябшие ладони к пламени костра. Ученик не заметил Учителя, поскольку стоял спиной к шедшей страже. Вскоре Пётр обратил внимание на шум и в числе остатков толпы поспешил в сторону дворца Каифы.

Первосвященник с нетерпением ожидал привода Арестованного. Каифа полагал, что уже всё готово к началу процесса. В зале несколькими полукругами на мягких сидениях расселись вызванные члены Синедриона. По восточному обычаю они были в тюрбанах и сидели, скрестив ноги. Кроме них явилось несколько законоучителей, в числе их занял своё место и молодой аристократ Марк Озалий.

Согласно протоколу, законоучители давали советы судьям, как им поступать в затруднительных ситуациях. Около кресла председателя (по-еврейски – *нази*), оно принадлежало Каифе, восседал мудрец и два писца. Небольшое место перед председателем было специально обозначено для обвиняемого и свидетелей.

Стража ввела в зал Христа со связанными руками. Все зашушукались. Каифа поднял руку – наступила тишина.

– Веками наш народ ждал Мессию, – обратился он к Синедриону. – Теперь исторический момент наступил. Мы должны определить, есть ли сей человек Мессия, а если нет, то какого наказания заслужил, поскольку именно так Он представил себя нашему народу...

Каифа глубоко вздохнул, набрал воздуха в грудь, желая продолжить речь.

Вдруг с места встал молодой книжник Марк Озалий.

– Учитель, – поклонился он Каифе. – Я не понимаю, что происходит? Если мы собрались для уголовного судопроизводства, то вы прекрасно знаете, что его нельзя начинать без свидетелей. Присутствуют ли свидетели в Синедрионе? Если присутствуют, прошу ввести их...

Каифа застыл на месте, будто громом поражённый. Холодный пот выступил на лбу. Он сделал знак, чтобы стража увела Обвиняемого. Наклонился к мудрецу, зашептал что-то тому на ухо.

– Я напомню членам Синедриона, – продолжал Марк Озалий, – начинать уголовное дело против обвиняемого должен только свидетель своими личными показаниями. Никто другой не может. Даже первосвященник! Или вы забыли, что написано в судебнике «Мишна»?

Марк увидел искажённые злобой лица, повернутые в его сторону. Хитрый Каифа не желал дополнять ночную историю с Христом конфликтом в Синедрионе.

– Книжник Озалий прав! – громко возгласил он. – Мы чуть поторопились. Поправим ошибку. Свидетели скоро будут, потерпите немного...

За всю историю Синедриона это был ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ начала уголовного обвинения без свидетелей, что являло собой грубейшее нарушение закона.

Саддукеи и фарисеи спешно принялись искать свидетелей. Им мнилось, они тотчас приведут тысячи свидетелей против Христа. На деле всё оказалось наоборот. Тех, кто горел бы желанием обвинить Христа, не было. Их предстояло найти, упросить идти в ночной суд, дать соответствующие инструкции.

Посыльный Мисаил, уже стоптавший одни сандалии за нынешнюю ночь, а с ним и другие посыльные, кинулся опять рыскать по спящему Иерусалиму.

Пока искали главных обвинителей, две ведущие партии в Синедрионе – саддукеев и фарисеев – проводили совещания, каждая – в отдельной стороне.

И первые и вторые обсуждали формулировки вины Христа. Их следовало произнести на суде, а после довести на площади и до всего народа.

Час пятый

Наконец гонцы доставили в Синедрион свидетелей.

Первого из них поставили рядом с Христом.

Каифа, сразу повеселев, открыл новое заседание. По давнему обычаю первосвященник сделал судебным свидетелям внушение.

– Не забудь, о свидетель, – повысил голос Каифа, – иное дело давать показания в суде об имуществе, и иное – в суде, где речь идёт о жизни. В денежной тяжбе, если свидетельство твоё будет неправильно, всё кончается деньгами. Если ты согрешишь в суде, решающем вопрос о жизни, то кровь обвиняемого и кровь его Ангела до скончания века вменится тебе. Почему и Адам был создан один, – чтобы научить тебя, что если какой-либо свидетель погубит одну душу из среды Израиля, то Писание признает его погубившим весь мир. Ибо человек одною печатью своего перстня может сделать много оттисков, – и все они будут точно схожи. Но Он, Царь царей, Он, Святой и Благословенный, со Своего Образа первого человека взял образы всех людей, которые будут жить, – впрочем, так, что ни одно человеческое существо не похоже вполне на другое. Посему будем думать и веровать, что весь мир сотворён для человека такого, каков тот, жизнь которого теперь здесь, в суде, зависит от твоих слов...

В практике еврейского Синедриона свидетелям принадлежала главная роль в уголовном суде. Поэтому было принято разделять их показания на три категории: *пустые свидетельства, свидетельства недостаточные, свидетельства надлежащие* (подтверждённые фактами).

Судьи по данной триаде оценивали то, что говорил свидетель.

Суд приступил к опросу свидетелей. Они должны были представить суду вину Христа.

Сбивчиво, со страхом поглядывая то на Каифу, то на Христа, первый свидетель доложил о том, что Христос вместе со своими учениками нарушал покой субботний, а делать такое в Иудее запрещено религиозным законом. Нарушал, к примеру, тем, что исцелил от тяжёлого недуга больного...

Следующий свидетель сообщил Синедриону о том, что Христос не мыл руки перед вкушением пищи. Не соблюдал древние предания, чем нанёс вред вере еврейского народа. По мнению свидетеля, за это Он должен быть наказан. Мера наказания свидетель не назвал...

Третий свидетель повторил доводы первого и второго. Третий свидетельствовал суду о том, что Обвиняемый не признавал законов и постановлений Синедриона – это должно расценить как посягательство на существующую власть.

– Что же Ты ничего не отвечаешь на свидетельства? – вопрошал Каифа Обвиняемого.

Христос молчал!

В те минуты молодой судья Никодим сидел будто на раскалённых углях. Ему не терпелось высказать своё мнение о суде. Наконец, используя паузу, он вышел в полукруг.

– Перед нами уже прошло число свидетелей, достаточное для дела, – начал Никодим. – Ни один из них не привёл надлежащих свидетельств. Ни один из них не назвал конкретной вины Христа. Поэтому я прихожу к заключению, что свидетели не располагают фактами, следовательно, у Синедриона нет оснований для ведения данного дела, предлагаю его не рассматривать дальше, прекратить его... Иисуса Христа не считать обвиняемым и немедленно отпустить. Повторяю ещё раз: мы не получили надлежащих свидетельских показаний, и наше решение о прекращении дела будет соответствовать закону...

По рядам старейшин лёгким ветерком пронеслось волнение.

– В заседании объявляется перерыв, – произнёс Каифа, никак не отреагировав на выступление молодого судьи.

Час шестой

Саддукеи и фарисеи лихорадочно искали повод для осуждения Христа на смерть. Нарушая регламент Синедриона, они после перерыва начали суд опять с опроса свидетелей.

Почему-то этих свидетелей, четвёртого и пятого, привели вместе.

– Два года назад я сам слышал, как вот этот человек сказал: «Я могу разрушить храм Божий и в три дня воздвигнуть его», – говорил свидетель.

– Да, и я подтверждаю, что слышал такое, – вступил другой свидетель. – Только, насколько я помню, Он утверждал так: «Я разрушу сей храм рукотворный, и в три дня воздвигну другой, нерукотворный». Вот так я помню!

Довольная усмешка скользнула по губам Каифы. Он тут же погасил её, не желая показывать судьям внутреннее ликование. Ликовать было отчего! Разрушить известный храм, а потом воздвигнуть какой-то неизвестный – уже явная хула на Бога и Закон Моисея, за такую хулу предусмотрена суровая мера – смертная казнь.

Каифа ещё раз обратился к Христу. Каифа напомнил Обвиняемому, что совпадение мнений двух свидетелей придаёт показаниям силу законного обвинения. Значит, из Обвиняемого он становится Подсудимым.

Иисус Христос, как и первый раз, не удостоил первосвященника ответом.

Опытный саддукей, каким был Каифа, всё-таки попытался найти средство заставить заговорить уже теперь, по его мнению, Подсудимого. Как первый служитель Бога Израилева, Каифа имел право спрашивать обвиняемого под клятвою. И обвиняемый обязан был ответить. Обязан!

– Заклинаю Тебя, – с притворным пафосом произнёс первосвященник, – заклинаю Тебя Богом живым: скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?

– Я! – ответил Христос. – Даже скажу вам более: отсюда увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы Божией и грядущего на облаках небесных...

Выражая состояние крайнего душевного волнения, Каифа напоказ разодрал на себе часть облачения и громко закричал:

– Слышали? Слышали ли вы, что Он сказал? Он явно богохульствует! И мы ещё требуем каких-то свидетелей!? Что вы думаете, чего Он достоин после своего богохульства?

Синедрион молчал.

Наконец, один за другим стали подниматься старейшины: «Смерти достоин, смерти достоин...» – произносили они друг за другом.

В заведомо настроенный хор судей попытался внести разлад книжник Марк Озалий.

– Учитель, – обратился он к первосвященнику, – нельзя принимать серьёзное решение скоропалительно. По законам судебника «Мишны» подсудимый имеет право на защиту. И в Синедрионе обязаны выслушать адвоката Христа или свидетелей Его защиты. Так диктует закон! Я не слышал, чтобы были заявлены адвокат Христа или Его свидетели. В суде была выслушана только одна сторона – свидетели. Почему не выслушаны другие?

– Это будет рассмотрено на новом заседании, которое должно либо подтвердить, либо отвергнуть только что принятое обвинение, – с нескрываемым раздражением бросил первосвященник.

Часы седьмой – девятой

С чувством исполненного долга и достигнутого успеха уходили члены Синедриона на перерыв. Их заговорщические планы обрели реальность. То, что вчера некоторым из них казалось невозможным, теперь стало фактом – Христос осуждён публичным судом.

Оставалось, согласно протоколу Синедриона, только подтвердить обвинение. По еврейскому закону, если уголовный суд выносил приговор, то вынесение окончательного осуждения откладывалось на сутки.

Иисуса Христа под конвоем вывели из дворца Каифы во двор. Там коротала время пёстрая толпа из охранников синагог и служителей первых религиозных лиц Иерусалима. Видимо, хозяева уже сообщили слугам об участии Божественного Узника. Возможно, и дали указание, как с Ним поступать. Только Христос оказался среди толпы, на Него обрушили шквал раздражительности и злобы.

– Пророк Галилейский! Мессия-самозванец! – выкрикивали из толпы. Некоторые плевали в Него. По обычаю евреев это считалось признаком крайнего презрения.

По еврейскому религиозному закону и по гражданскому праву Римской империи (тогдашняя Иудея входила в число провинций Римской империи) человек был невиновным, пока ему не вынесено ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ осуждение.

Никто не имел права оскорблять или унижать Его. Христос как гражданин обладал всеми законными правами. Грубейшее нарушение Его прав было автоматически перенесено еврейскими старейшинами с заседания Синедриона в ночную толпу во дворе Каифы.

Опьянённые безнаказанностью слуги избивали Христа. Били кулаками, били палками по лицу, по спине, по груди. Притом, выказывая остроумие, слуги набрасывали на Него одежду и, ударив, кричали: «Христос, сын Божий, угадай, кто тебя ударил?»

Господь переносил тяжёлые унижения и оскорбления без ропота. Иногда говорил слова для врачумления мучителей, напоминая об их человеческом облике.

В те минуты они скорее имели облик звериный...

Вдруг шум в другом конце двора на некоторое время отвлек внимание слуг от поругания Господа. Стражники допрашивали ученика Христа – Петра, который, несмотря на отречение во дворе Анания и теперешнюю опасность, продолжал следовать за Учителем. Петра пытали: не он ли в Гефсиманском саду отсек ухо слуге Малху? Пётр клятвенно утверждал, что не был в Гефсиманском саду и не знает Иисуса.

В этот миг Христос пристально посмотрел в сторону Петра, взгляды их встретились.

И тогда же в соседнем дворе пропел петух.

В смятении и страхе Пётр выбежал со двора, упал на землю и навзрыд заплакал.

Час десятый

На востоке заалела полоска зари, возвещая ранний рассвет. В такое время по древнему обычаю евреи отправляли утреннее жертвоприношение в синагогах – проливали кровь приносимых ими животных...

Совершив сие во имя Бога, члены Синедриона поспешили на новое утреннее заседание по уголовному делу Иисуса Христа.

Судебный регламент предусматривал: если дело завершалось смертной казнью, то вынесение окончательного приговора откладывалось ровно на сутки – на 24 часа.

С момента вынесения первоначального приговора в ночном заседании Синедриона с четверга на пятницу прошло лишь четыре часа!

Таким образом, Синедрион не имел права собирать новое заседание на раннем рассвете в пятницу.

Однако Синедрион собрался!

К тому же особый глашатай несколько раз всенародно должен был объявить на улицах Иерусалима о том, кому назначена смертная казнь (до вынесения окончательного приговора!), каково его имя, в чём состоит его вина, а также призвать всякого жителя города, всякого, кто хочет, прийти в суд и защищать такого человека.

Особого глашатая из Синедриона не послали на улицы Иерусалима!

Да, еврейские законы высоко ценили жизнь иудеев. Но еврейскими их еврейские законы были забыты, когда зашла речь о жизни Богочеловека – Иисуса Христа!

Первосвященник Каифа с выражением торжественности открыл новое заседание Синедриона опять же в своём дворце.

Он вёл себя так, будто в суде не было выступлений книжника Марка Озаля и молодого судьи Никодима.

Каифа очень торопился.

В полукруг членов Синедриона вновь привели Христа.

– Ты ли Мессия? Скажи прямо, – опять спросил первосвященник Христа.

– Я уже говорил вам! Ещё подтверждаю, что вы не имеете Веры! – голос Христа был твёрдым.

Один из судей подскочил с места и закричал:

– Итак, Ты сын Божий? Ты Мессия?

– Я – есть! – ответил Иисус.

Судья заверещал, будто ужаленный пчелой:

– Он сам на себя произнёс осуждение, Он сам на себя произнёс осуждение...

Почему-то у судьи вылетело из головы, что по еврейским и римским законам человек не имел права свидетельствовать на себя. Если он всё же свидетельствовал сам на себя, то суд не принимал свидетельства, считал, что они – ПУСТЫЕ!

То есть не рассматривал их...

– Более нам не о чем рассуждать! – встал один из старейшин. – Перед нами – богохульник! Смерть богохульнику! Смерть лжемессии...

Отдельные голоса несогласных с приговором, в том числе Марка Озаля и Никодима, потонули в общем хоре старейшин и раввинов.

Окончательный приговор был принят Синедрионом.

Данная казнь по еврейскому обычаю предусматривала побивание камнями виновного до смерти. Первые камни в Осуждённого должны были бросить свидетели, говорившие в суде о Его вине...

Первосвященники уже после второго заседания Синедриона решили предать Христа казни по законам Римской империи – распятию на кресте.

ПОЯСНЕНИЕ

Суд в Синедрионе был начальным этапом глумления над Богочеловеком. Христос после часа десятого прошёл ещё три (!) суда: суд в претории у римского прокуратора Понтия Пилата, суд у правителя Галилеи Ирода, повторный суд у римского прокуратора Понтия Пилата.

И на каждом из этих судов были нарушены действующие тогда гражданские и уголовные законы. Обычно уголовное дело, связанное с вынесением приговора о смертной казни, в Синедрионе и юридических инстанциях Римской империи рассматривали в течение нескольких месяцев, а в некоторых случаях – и в течение нескольких лет...

С момента ареста Христа и до распятия Его на Голгофе, включая пять заседаний разных судов, прошло не более 15 (!) часов.

ПРИМЕЧАНИЕ

Господи, благодарю Святых Угодников Твоих – Иоанна и Иннокентия, через слово их открылось видение суда над Тобою. Господи, не сочти за грех желание рассказать о том.

2013–2022 гг.

